

Массовое сознание и консолидация общества

Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности

Козырева Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Смирнов Александр Ильич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования динамики социальной адаптации, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: smir_al@bk.ru

Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности

Аннотация

В статье на основе данных социологических исследований, выполненных Институтом социологии РАН, рассматриваются особенности политического доверия в постсоветской России, выступающего одним из ключевых факторов политического процесса, играющих огромную роль в обеспечении политической стабильности и поступательном развитии общества. Анализ показал, что политическое доверие непосредственно связано с реализацией основополагающих идей и принципов демократии, является важнейшим условием расширения и углубления демократических процессов, создания полноценного гражданского общества в современной России. Установлено наличие непосредственной связи степени и распространённости политического доверия с результатами рыночных и демократических реформ 1990-х и 2000-х гг. И в то же время выявлен огромный разрыв в показателях доверия россиян в целом и отдельных групп граждан к тем или иным политическим лидерам, основным властным институтам, который сохраняется несмотря на существенное повышение уровня доверия к отдельным политическим субъектам, отмеченное в самые последние годы. Подобная несбалансированность, разбросанность становится одной из причин нынешней противоречивости массового общественно-политического сознания. С учётом этих важных обстоятельств предпринята попытка поставить и обсудить вопрос о поиске оптимальных границ доверия к политическим лидерам, институтам государственной власти и политическим партиям, рассмотреть последствия экстремальных уровней доверия и недоверия в политике. Прослеживается зависимость институционального доверия от межличностного в политической сфере. Значительное внимание уделяется характеристике и анализу основных причин недоверия граждан к политическим и общественным институтам, общественно-политическим организациям, результаты которого позволяют наметить пути нейтрализации или преодоления выявленных проблем.

Ключевые слова: государственная власть, гражданское общество, демократия, оптимальность, политический капитал, политическое доверие

Анализ содержания и тенденций политических процессов в современной России убеждает, что политическое доверие является важнейшим феноменом политической действительности, серьёзнейшим фактором, обеспечивающим функционирование и развитие общества. Как один из ключевых элементов политической жизни, политическое доверие выступает неотъемлемым условием успешной деятельности институтов государственной власти, политических партий и организаций, государственных и политических деятелей.

Доверие относится к числу наиболее объёмных и размытых понятий, улавливаемых нередко на интуитивном уровне, т. е. понятий, которые принято относить к многомерным или многозначным ментальным образованиям. Именно по причине этой многогранности и расплывчатости не удаётся найти определение политического доверия, которое было бы исчерпывающим и всеобъемлющим. В самом общем плане политическое доверие означает уверенность граждан страны (или некоторой их части) в правильности политических позиций и действий тех или иных политических сил, институтов, государственных и политических деятелей, соответствии их политических позиций своим собственным убеждениям, в способности конкретных политических субъектов реализовать провозглашённые цели и программные установки, готовность оказывать им поддержку. И в то же время политическое доверие – это не только доверие к тем или иным политическим субъектам, но и доверие к политике в целом. Оно в определённой мере отражает уровень развития политического сознания, характеризует отношение граждан конкретным субъектам политической жизни, выступает одним из важнейших показателей их авторитета.

Политическое доверие предполагает превентивную оценку, сочетающую в себе рациональное и эмоциональное начала, и поддержку гражданами на основе собственного или чужого опыта позиции или конкретных действий того или иного политического субъекта. В отличие от слепой веры, доверие возникает в процессе социального взаимодействия, находится в сфере компетенции человеческого познания и поэтому нуждается в некоторых доказательствах или основаниях. Такими основаниями политического доверия могут быть общая политическая компетентность, информированность о конкретных политических событиях, авторитетное или общепринятое мнение, жизненный, политический и иной опыт, которые формируют некоторые ожидания, уверенность или убеждённость, обеспечивающие поддержку позиции или действий политического субъекта. Распространёнными примерами проявления доверия в конкретных ситуациях являются уверенность в легитимности политического режима, ожидания, связанные с деятельностью институтов власти различного уровня, отношение к государственным деятелям, ведущим политическим лидерам, представителям политической элиты, поддержка позиции политической партии, оценка её деятельности и др.

Но некоторые исследователи придерживаются иных точек зрения. По мнению одних, доверие в политике нередко бывает немотивированным, спонтанным и даже иррациональным [Белянин, Зинченко 2010: 45]. Другие же полагают, что в отличие от личного доверия, которое базируется на эмпирическом опыте, политическое доверие выражается без глубокого погружения в суть проблемы и предстаёт в виде

спектра мотиваций политической поддержки, объединённых одним общим свойством – в их основе лежит не опыт, а вера. Эта вера носит эмоциональный характер, а иногда напоминает религиозное чувство [Москвин 2011: 68].

В последнее время в России наблюдается значительное усиление интереса к изучению проблем политического доверия, играющего важную роль в развитии демократических процессов, обеспечении политической стабильности и устойчивости функционирования политической системы. В связи с этим важно отметить, что практически все научные концепции, развивающиеся в рамках теории политической культуры, в качестве одной из главных предпосылок демократии включают широкое распространение таких культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, доверие к основным государственным и политическим институтам, межличностное доверие, политическую толерантность, чувство гражданственности и т. п. Это те установки и ценности, которые, как правило, ассоциируются с «гражданской культурой» Г. Алмонда и С. Вербы [Almond, Verba 1963].

Но при этом нельзя игнорировать тот факт, что в демократическом обществе политическое доверие не может быть постоянно устойчивым и безграничным. Наличие определённого недоверия к институтам власти в условиях демократии объясняется пониманием несовершенства любого устройства общества, того, что даже самая современная демократия не гарантирует выдвижения на вершины власти только добросовестных, честных, добропорядочных граждан. Акцентируя внимание на этой исключительно важной мысли, Р. Дальтон отметил, что гражданин демократического общества – это тот, кто верит в индивидуальную свободу и кто политически толерантен; кому свойственно определённое недоверие к политическим властям, но кто в то же время доверяет своим согражданам; кто послушен, но, тем не менее, готов отстаивать свои права перед государством; кто принимает государство, сдерживаемое законом, и кто поддерживает основные демократические институты и процессы [Dalton 1994: 469–493]. Обращаясь к российской действительности, не сложно увидеть, что по ряду перечисленных критериев очень многих россиян трудно отнести к гражданам демократического общества.

Согласно данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹ и результатам ряда других исследований наибольшим

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Российской академии наук. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/org/hse/rllms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rllms>).

доверием у россиян пользуется президент (около 80%). Свыше половины граждан доверяют церкви, религиозным организациям и армии. За ними с 10-процентным отрывом следует правительство, а затем с ещё большим отрывом Совет Федерации, Государственная дума и средства массовой информации. Только около трети россиян доверяют прокуратуре, около четверти – профсоюзам, судам и местным органам власти. И, наконец, менее одной пятой опрошенных доверяют полиции и политическим партиям. Причём анализ данных, полученных Левада-Центром осенью 2014 г., показал, что за последний год уровень доверия россиян к большинству институтов власти повысился [Доверие институтам... 2014]. Объяснить это можно возросшей поддержкой населением политического курса, который проводит сегодня руководство страны, и усилением сплочённости граждан в ответ на мощное политическое и экономическое давление западных стран. Обладая таким огромным кредитом доверия, политическая элита получила, по сути, мандат на лишённое эффективного контроля управление государством. В отсутствие развитой системы политической конкуренции, учёт мнений, взглядов и интересов тех или иных групп населения и оппозиционных политических сил становится преимущественно добровольным делом власти.

Характерно, что доверие к институтам власти зависит от ценностных ориентаций, политических и экономических позиций и предпочтений индивидов. Но эта зависимость оказывается крайне противоречивой и неоднозначной. Анализ, в частности, выявил, что сложившаяся картина доверия во многом отражает предпочтения респондентов, для которых социальные гарантии являются приоритетными по отношению к гражданским правам. Россияне больше доверяют тем институтам власти, деятельность которых непосредственно связывается с обеспечением важнейших прав и социальных гарантий (право на жизнь, право на медицинскую помощь и социальную защиту, право на бесплатное образование и равный доступ к образованию, право на работу, хорошие условия и справедливую оплату труда и т. д.). Гораздо меньшим доверием пользуются институты, помогающие реализовывать гражданские и политические права. Участие в политической жизни не воспринимается большинством россиян как инструмент изменений, а право пользоваться такого рода инструментами не особенно ценится.

Но в эту картину не очень-то органично вписывается тот факт, что уровень доверия к институтам власти повышается вместе с ростом оценки значимости демократических ценностей. Так, среди респондентов, которые отмечают особую важность для страны свободных и честных выборов, доля лиц, доверяющих правительству, оказалась почти в три раза больше, а доля не доверяющих почти вдвое меньше, чем

Обладая огромным кредитом доверия, политическая элита получила, по сути, мандат на лишённое эффективного контроля управление государством. В отсутствие развитой системы политической конкуренции, учёт мнений, взглядов и интересов тех или иных групп населения и оппозиционных политических сил становится преимущественно добровольным делом власти.

среди тех, кто придерживается противоположного мнения. Аналогичные тенденции наблюдались и в отношении других институтов власти. Одним из вероятных объяснений этого является наличие взаимосвязи институционального и межличностного доверия. Как в своё время установили Г. Алмонда и С. Верба, межличностное доверие является базовым условием формирования вторичных ассоциаций, которые, в свою очередь, необходимы для обеспечения эффективного политического участия в любой демократической системе [Almond, Verba 1963].

Интереснейшим феноменом современной политической жизни является огромное доверие россиян к Президенту РФ В. В. Путину, которое сохраняется на протяжении многих лет, независимо от характера, темпов происходящих в стране изменений и несмотря ни на какие кризисы, неурядицы и протестные действия. Во всех российских рейтингах наиболее авторитетных и популярных политиков он неизменно занимает первое место, намного обходя своих ближайших соперников. Не смогли снизить уровень доверия к В. В. Путину ни военный конфликт на юго-востоке Украины, ни последовавшее за ним ухудшение экономической ситуации в стране и снижение уровня жизни населения России. Наоборот, в условиях роста враждебности со стороны западных стран люди попытались консолидироваться вокруг своего лидера.

Особый интерес данный феномен вызывает прежде всего потому, что, доверяя президенту страны и одобряя его деятельность, люди одновременно выражают недоверие власти в целом и большинству властных институтов. Одним из объяснений этого является то, что для многих россиян В. В. Путин выступает главным символом стабильности, порядка и нового курса реформ, образцом поведения настоящего политика, правильного отношения к действительности, того, как надо реагировать государственному или политическому деятелю на происходящие события. В массовом сознании с его деятельностью ассоциируются конструктивные решения и главные позитивные перемены в стране. Так, в ходе опроса, проведённого в 2012 г. в рамках мониторинга электорального поведения (МЭП), к выигравшим от путинских реформ 2000-х гг. отнесли себя в шесть раз больше россиян, чем к выигравшим от реформ 1990-х гг. – 36,7 против 6,3% (см. рис. 1). Огромным оказался так же разрыв в количестве «в чём-то выигравших, в чём-то проигравших» (соответственно 39,5 и 21,8%).

Другое объяснение сложного, противоречивого отношения к властям разного уровня вытекает из противоречивости самого процесса трансформации властных отношений и его закрытости от общества. Как давно отмечают исследователи, для современной России характерно «свёртывание публичной сферы вообще и публичной политики в особенности»

[Ворожейкина 2002: 38]. Если результаты экономических и демократических реформ лежат на поверхности и хорошо видны, проникают в жизнь каждого человека, затрагивают его интересы, то изменение властных отношений, как правило, скрыто от населения плотной завесой вымыслов, тайн и мифов. Общество, как и прежде, остаётся в неведении относительно реальных причин перемен во власти, а, следовательно, не может в этих переменах участвовать. Внезапные кадровые перестановки на высшем уровне являются неожиданными не только для общества, но и для наиболее осведомлённых политических аналитиков, приближенных к президентской администрации. Даже маститые политологи и другие опытные специалисты склоняются к тому, что прогнозировать развитие политической ситуации в России практически невозможно.

Для многих россиян В. В. Путин выступает главным символом стабильности, порядка и нового курса реформ, образцом поведения настоящего политика, правильного отношения к действительности, того, как надо реагировать государственному или политическому деятелю на происходящие события.

Даже маститые политологи и другие опытные специалисты склоняются к тому, что прогнозировать развитие политической ситуации в России практически невозможно.

Рис. 1. Оценки влияния результатов реформ 1990-х и 2000-х гг. на жизнь респондентов и их семей, %

Всё вышесказанное во многом объясняет, почему почти половина россиян в очень непростом для В. В. Путина в 2012-ом «протестном» году положительно оценили принятое в 2008 г. решение об увеличении срока полномочий Президента РФ с четырёх до шести лет (см. рис. 2). Среди «знаковых» событий, предложенных респондентам для оценки, более высокую поддержку получила только частичная замена льгот денежными выплатами, проведённая правительством России в 2005 г. (полностью и скорее поддержали 55%),

т. е. инициатива, затрагивающая самые насущные интересы подавляющего большинства россиян. Вместе с тем, когда речь идёт об изменениях, которые не имеют прямого отношения к деятельности В. В. Путина, но противоречат основополагающим демократическим принципам, их поддержка заметно падает. Так, отмену прямых губернаторских выборов (декабрь 2004 г.) поддержали только 26,9% опрошенных россиян, тогда как 49,9% заняли противоположную позицию. И в то же время 46,8% поддержали создание Общественной палаты (апрель 2005 г.), что почти в пять раз больше, чем доля тех, кто не одобрил это решение (10,5%).

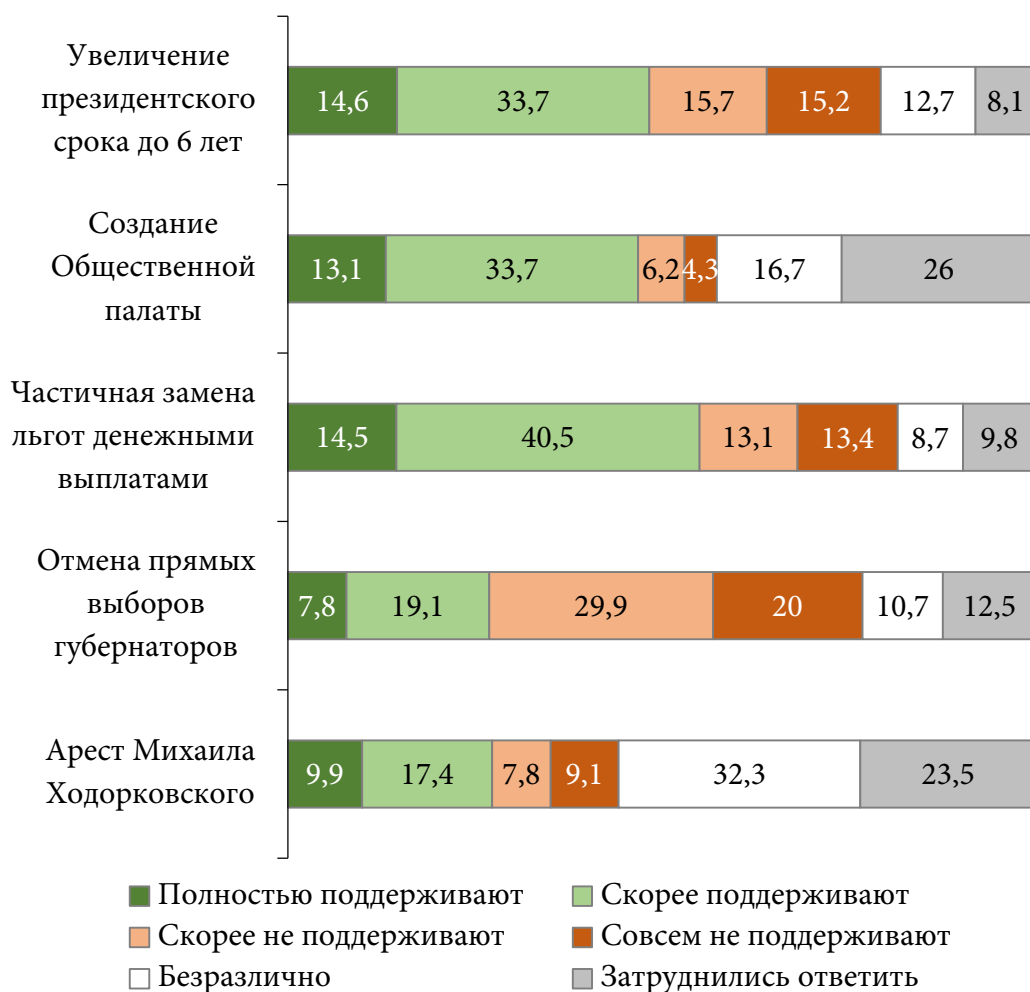

Рис. 2. Отношение населения к «знаковым» событиям, %

Значительным является влияние такого фактора, как авторитет Президента России В. В. Путина, и на электоральные предпочтения россиян. Около 80% респондентов, голосовавших за «Единую Россию» на выборах в Государственную думу в декабре 2011 г., указали, что при принятии ими этого решения *очень важное* или *важное* значение имело то, что председателем партии был В. В. Путин. Вместе с тем среди тех, кто проголосовал за В. В. Путина на президентских выборах в марте 2012 г., только 48,9% респондентов отметили, что при принятии данного решения учитывали, что он выдвинут

«Единой Россией». В. В. Путин является в последние годы самым популярным и востребованным политиком в России, о чём свидетельствуют результаты опроса населения в 2012 г. (см. таблицу 1). 97% опрошенных россиян считают его умным и знающим человеком; 92,8% – сильным и волевым руководителем; 70,4% – честным, ответственным человеком, заслуживающим доверия; 64,4% – руководителем, действительно думающим об интересах простых людей. Многие респонденты отмечают его властность, целеустремлённость, находчивость, сметливость, политическую грамотность, отличную память и т. д.

Таблица 1

Оценка востребованности различных публичных политиков, %

Ф. И. О	Его время прошло	Необходим сейчас	Его время ещё не наступило	Не известен	Затруднились ответить
Путин В. В.	17,0	75,7	1,5	-	5,8
Медведев Д. А.	39,2	41,3	11,2	0,1	8,2
Прохоров М. Д.	2,7	6,8	59,9	12,0	18,6
Навальный А. А.	4,2	1,5	10,2	67,3	16,8
Немцов Б. Е.	45,1	1,2	11,1	21,2	21,4
Удальцов С. С.	7,1	0,8	9,4	63,9	18,8

Существующий в России огромный разброс в показателях доверия к институтам власти актуализирует вопрос о его оптимальных границах. Как показывает практика, и дефицит доверия, и избыток доверия выступают барьерами на пути укрепления демократических устоев общества. Значительный дефицит доверия ограничивает возможности властей и снижает активность граждан, препятствует развитию интеграционных процессов в обществе, тормозит принятие и реализацию конструктивных планов и задач. В то же время чрезмерное доверие к институтам государственной власти и политическим лидерам, порождая бесконтрольность и вседозволенность, не может привести ни к чему иному, как к произволу властей, который является первым шагом на пути к усилению авторитаризма. Поэтому, для того чтобы политическое доверие способствовало развитию демократических процессов, его уровень не должен приближаться к экстремальным значениям.

Подобный подход находит поддержку и у специалистов, разрабатывающих теорию оптимальности. Так, на положительное значение позиции социологов, политологов, философов и других учёных, соотносящих понятия экстремума и оптимума, обозначающих аномальные состояния и ситуации как экстремальные, а «нормальные» – как оптимальные, не раз обращал внимание один из ведущих специалистов в данной области О. С. Разумовский. Такая позиция, по мнению учё-

Как показывает практика, и дефицит доверия, и избыток доверия выступают барьерами на пути укрепления демократических устоев общества.

ного, позволяет точнее оценить конкретные отношения действительности, разнообразные «нормы» деятельности, ожидаемые результаты этой деятельности, особенности и парадоксы нашего мышления [Разумовский 1990: 37]. Как показывает опыт, попытки связать друг с другом понятия экстремальности и целесообразности при помощи понятия оптимальности, применительно к политической сфере в исследовательской практике, очень часто оказываются несостоятельными, а в реальной действительности приводят к негативным последствиям.

Чтобы понять это, достаточно представить, к каким тяжёлым последствиям может привести признание целесообразным одного из экстремальных состояний общественно-политической активности граждан. Её снижение до минимального уровня, сопоставимого с пассивностью, ведёт в лучшем случае к утверждению авторитаризма, произволу властей, а нарастание до максимума, сопровождающееся усилением стихийности, преобладанием инициативы над ответственностью, распространением несанкционированных форм активности – к дезорганизации и политической нестабильности. Представляется, что оптимальным может быть такое состояние общественно-политической активности, которое ограничивается, с одной стороны, в направлении антиэнтропийных процессов и характеристик, при которых достигается новое «качество» активности, и, с другой стороны, в направлении энтропийных в целях сохранения стабильности, обеспечивающей нормальное функционирование политических и общественных институтов.

Принимая во внимание вышесказанное, ещё раз следует подчеркнуть, что демократическая форма правления хотя и имеет целый ряд очень серьёзных достоинств и преимуществ в сравнении с другими формами правления, но и она не предполагает ни совершенного гражданина, ни идеального лидера, который способен пользоваться безграничным доверием. «Как бы то ни было, – указывает известный американский историк А. М. Шлезингер-младший, – даже к «хорошим», «подлинно демократическим» лидерам следует относиться с известной долей недоверия. Лидеры не демиурги, а люди, как и все. Непогрешимых вождей нет, и каждому из них надо время от времени напоминать об этом. Беспрекословное подчинение развращает руководителя и унижает идущих за ним граждан» [Шлезингер 1992: 628–629]. Необходимо не только постоянно напоминать об этом политическим лидерам, лицам, возглавляющим структуры политической власти, но и устанавливать определённые политико-правовые механизмы, ограничивающие их власть, контролирующее разделение и распределение властных полномочий, как то: выборность основных органов власти и должностных лиц, их подчинённость и подотчётность избирателям; построение государства по принципу разделения

властей; подконтрольность и ответственность государственных органов, формируемых посредством назначения, перед выборными органами; равенство всех граждан без исключения перед законом; обеспечение демократических прав и свобод; соблюдение прав меньшинства иметь своё мнение и отстаивать его и др.

Реализация демократических принципов, вынуждая должностных лиц находиться в рамках закона и нести ответственность за свои решения и действия, снимает многие причины подозрительности и недоверия к представителям власти, создаёт благоприятные предпосылки для сплочения общества, обеспечения согласованных и эффективных действий граждан. Но на практике довольно часто наблюдаются отступления от этих принципов, что усиливает отчуждение власти от общества, замедляет развитие демократических процессов. Далеко не все важные вопросы, связанные с реализацией демократических принципов, утверждением демократических ценностей и норм, находят понимание в обществе.

Все эти принципы особенно актуальны для российского общества, которое практически никогда не жило в условиях эффективной демократии. По сути, это выражение актуальных требований, обеспечивающих рост доверия к демократическим институтам и формирование современной политической культуры демократического типа. Но в российской истории не демократические принципы, а личность правителя всегда играла колоссальнейшую роль. И сегодня, когда общество пытается двигаться по демократическому пути, огромная масса населения продолжает жить прежней надеждой на сильного и влиятельного лидера, способного подчинить своей воле и повести за собой других людей.

Независимо от того, какая модель демократии реализуется в стране, необходимо, чтобы выборы были честными, суды независимыми, средства массовой информации свободными, чтобы осуществлялся контроль над бюрократией и т. д., что предполагает выполнение определённых, соответствующих демократическим принципам, правил и процедур. Для обычных граждан процедурные вопросы зачастую важны гораздо больше, чем особенности выработки и формирования демократического курса. По тому, насколько они понятны и привычны, как они реализуются, граждане судят о степени демократичности политического режима. Однако в последние годы многие правила и процедуры, обеспечивающие функционирование демократических механизмов, меняются неоправданно часто, что особенно хорошо заметно на примере организации избирательного процесса. Частые и скороспелые изменения электорального законодательства дезориентируют избирателей, тормозят развитие электоральной культуры населения, снижают доверие к избирательной системе и легитимность выбо-

Сегодня, когда российское общество пытается двигаться по демократическому пути, огромная масса населения продолжает жить прежней надеждой на сильного и влиятельного лидера, способного подчинить своей воле и повести за собой других людей.

ров. Многие граждане усматривают в них желание правящей власти получить дополнительные преимущества в конкурентной борьбе, обеспечивающие ей победу на выборах. Понимание предопределённости результатов голосования становится фактором, снижающим доверие к самому институту выборов.

Огромная часть населения относится к выборам, представляющим собой важнейшую форму современной политической жизни, как к определённому государственному ритуалу, рутинной процедуре или бесполезной, но вынужденной общественной обязанности. В российском обществе довольно широко распространено мнение, что «от того, как люди будут голосовать, в стране ничего не изменится». Даже среди тех российских граждан, которые участвовали в выборах в Государственную думу 4 декабря 2011 г., только 54,7% указали, что голосование оказывает значительное или умеренное влияние на ситуацию в стране. Примерно таким же оказался данный показатель (53,8%) среди тех респондентов, которые участвовали в выборах Президента России 4 марта 2012 г.

В массовых слоях населения сохраняется недоверие к сложившейся в России практике организации выборов разного уровня и подсчёта результатов голосования. Так, выражая своё отношение к проведению последних выборов в Государственную думу, которое вызвало немало подозрений, разнотолков и послужило катализатором массового протестного движения, только 34,5% опрошенных назвали их в целом честными (см. рис. 3). Намного меньше сомнений в честности вызвали выборы Президента России. Это выражается прежде всего в более высокой доле респондентов, которые назвали президентские выборы честными (50,8%), и в гораздо меньшей доле лиц, затруднившихся высказать определённое мнение (7,3%).

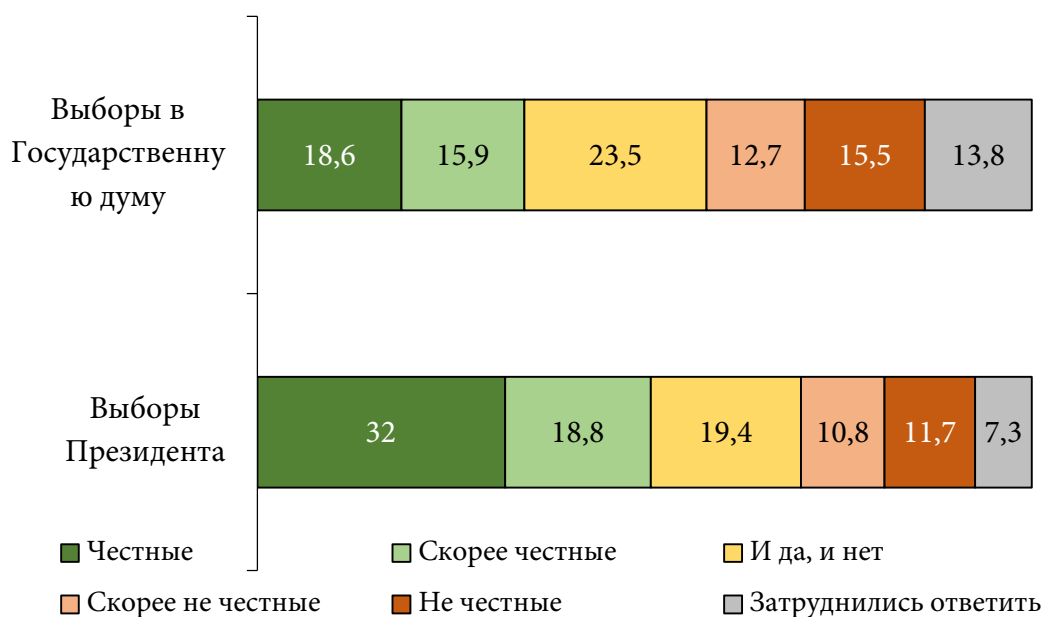

Рис. 3. Оценка честности последних выборов в Государственную думу и выборов Президента России, %

Но в целом большинство респондентов всё же не сомневаются в убедительной и заслуженной победе «Единой России» на парламентских выборах и В. В. Путина на президентских выборах. Так, 12,5% опрошенных россиян отметили, что при условии полностью честных выборов «Единая Россия» набрала бы ещё больше голосов и ещё 45,9% указали, что результат был бы точно таким же или близким к нему. И только 27,7% опрошенных высказали мнение, что в ситуации честных выборов единороссы не набрали бы и половины голосов, т. е. не получили бы большинства мест в Государственной думе. Из них около 23% являются сторонниками оппозиционных партий, тогда как подавляющее большинство не имеют каких-либо партийно-политических привязанностей и не выражают сочувствия ни одной из действующих в России политических партий. Остальные респонденты, доля которых достигает 13,9%, не смогли определиться с ответом. Ещё более убедительной представляется населению победа В. В. Путина на последних президентских выборах. В частности, 14,2% респондентов отметили, что если бы президентские выборы были полностью честными, то он набрал бы ещё больше голосов, а 53,6% указали, что результат в этом случае остался бы прежним, т. е. победным для В. В. Путина и его команды.

Существенным моментом, характеризующим политическое доверие в современном российском обществе, является слабость связей больших групп населения с традиционными партийно-политическими институтами, постоянное расшатывание и деформация партийных привязанностей. Так, всего лишь около 30% опрошенных российских граждан ощущают приверженность к какой-либо политической партии, движению или объединению, о котором они могут сказать: «Это – моя партия, моё движение, моё объединение». Причём 15,8% считают, что конкретная партия или движение отражает их взгляды и интересы полностью, а 14,2% – частично. Среди тех, кто участвовал в выборах в Государственную думу 4 декабря 2011 г., доля граждан, ощущающих партийную привязанность, составила более 35% (среди тех, кто не участвовал – 20%).

Если в 1996 г. львиную долю людей, испытывающих партийную приверженность, составляли сторонники Коммунистической партии (около 60%), то в 2012 г. – сторонники «Единой России» (около 65%). Что касается адептов коммунистов, то их доля за этот период сократилась до 16,3%. Ещё 6,7% пришлось на лиц, симпатизирующих ЛДПР, и около 5,6% – на сторонников «Справедливой России». Аналогичным образом распределились респонденты, указавшие на наличие партии, движения или объединения, которое они не могут назвать «своим», но которое больше других отражает их взгляды и интересы. Характерно, что наиболее высокий уро-

вень партийной приверженности отмечен среди чиновников разного уровня (48,9%), а наименьший – среди студентов высших учебных заведений (16%).

Полное отсутствие или слабая степень политической привязанности зачастую является следствием утраты человеком доверия не только к партийно-политическим структурам, к их деятельности, но и к другим людям. Анализ, в частности, показал, что потеря доверия к окружающим почти вдвое сокращает удельный вес лиц, ощущающих привязанность к какой-либо политической партии, движению или объединению (с 41,3 до 23,1%). В данном случае мы можем наблюдать, как недостаточность доверия, интолерантность, дефицит понимания и взаимного уважения на межличностном уровне генерирует рост недоверия на институциональном уровне, вызывает высокий уровень недоверия к большинству институтов государственной власти, политическим партиям и общественным организациям, бизнесу, экономической и политической элите.

Другим фактором, заметно снижающим ощущение партийно-политической привязанности, который определённым образом связан с фактором межличностного доверия, является повышение уровня образования (с 38,8% среди респондентов с начальным образованием до 27,1% среди лиц с высшим образованием). Последние исследования показывают, что образование создаёт положительные внешние эффекты как в форме повышения горизонтального доверия, так и в форме повышения уровня освоения гражданских норм, большей информированности и более активного участия в политическом процессе [Натхов 2011: 353–373]. Но если пойти дальше, то оказывается, что рост образования, хотя и повышает уровень межличностного доверия, что позитивно сказывается на уровне институционального доверия, в конечном счёте снижает доверие к государственным и общественным институтам в целом, и к политическим партиям в частности, повышая политическую грамотность и информированность граждан. Чем выше уровень образования респондентов, тем выше у них склонность к обоснованному сомнению, вдумчивому осмыслению действительности, они более чётко выражают стремление понять суть происходящих событий, не полагаясь на поверхностные суждения и непроверенные факты. Необходимо сказать также о таких более развитых качествах, как осторожность, осмотрительность и взвешенность.

Низкий уровень доверия населения к политическим партиям, не способным обеспечить решение острых социальных проблем и защиту интересов граждан, является одним из убедительных свидетельств кризиса партийной системы в России. Сегодня ни одна из существующих в России политических партий не имеет массовой социальной базы. Достаточно указать,

Существенным моментом, характеризующим политическое доверие в современном российском обществе, является слабость связей больших групп населения с традиционными партийно-политическими институтами, постоянное расшатывание и деформация партийных привязанностей.

что только 5,4% россиян признают себя членами политических партий и общественных движений. Из них 75,6% – члены «Единой России», большинство которых демонстрируют своё членство в партии «по долгу службы» во властных структурах. В 2012 г. только около 48% опрошенных россиян указали, что «Единая Россия» – это политическая организация единомышленников, в то время как 23,5% назвали её организацией карьеристов без собственных взглядов, 14,4% – объединением людей, взгляды которых по принципиальным вопросам значительно различаются. И 14,1% затруднились сказать что-то определённое о партии власти.

Утрата частью российских граждан чувства близости к традиционным партиям в постсоветский период обусловлена разными причинами. Важную роль играет тот факт, что многие из них, возникнув на начальном этапе радикальных преобразований, сохранили приверженность устаревшим подходам к решению общественных проблем, не соответствующим современной реальности, новым задачам, которые выдвигает динамично меняющаяся жизнь. Инерционность мышления руководства ряда политических партий существенно снизила способность последних адекватно реагировать на новые вызовы, генерировать инновационные подходы к ослаблению и нейтрализации рисков, решению острых проблем политического и социально-экономического развития. Наблюдается усталость от давно надоевших парламентских партий и их бессменных руководителей, огромный дефицит новых авторитетных оппозиционных партий с сильными, харизматическими лидерами. Весомая часть граждан, не ощущая созвучности функционирования политических партий своим интересам, ослабляют внимание к их деятельности. Традиционные партии воспринимаются многими людьми как нечто застывшее, окостенелое, препятствующее поступательному развитию общества, «как часть властвующей элиты, роль которой заключается в том, чтобы канализировать общественное недовольство в нужное властям русло» [Петухов 2012: 268].

Возможности политических партий, играющих большей частью роль статистов на политической сцене, адекватно реагировать сегодня на возросшие запросы и требования людей зачастую оказываются существенно ограниченными или ничтожными. Немаловажное значение имеет и то, что требования, предъявляемые различными группами граждан, а иной раз и представителями одной группы, к политическим партиям и их лидерам, приобретают в целом ряде случаев совершенно разную, в том числе противоположную направленность и мотивированность, что формирует объективную основу для сохранения и усиления недовольства нереализованностью этих требований. Такая разнонаправленность имеет вполне понятную логику. На современном этапе развития общества

Чем выше уровень образования респондентов, тем выше у них склонность к обоснованному сомнению, вдумчивому осмыслению действительности, они более чётко выражают стремление понять суть происходящих событий, не полагаясь на поверхностные суждения и непроверенные факты.

значительно меняется соотношение разных сторон социального опыта людей. Содействуя ослаблению инерционного начала в общественном мировоззрении, эти динамичные процессы ведут к трансформации политической культуры, к снижению зависимости масс от казавшихся незыблемыми традиционных представлений.

По мнению опрошенных граждан, только «Единая Россия» располагает реальными возможностями для реализации заявленных ими намерений (см. таблицу 2). В 2012 г. около половины респондентов МЭП указали, что «Единая Россия» может лучше других партий справиться со сложными задачами подъёма и модернизации экономики (48,2%), обеспечения прав человека и демократических свобод (43,3%), защиты интересов России на международной арене (52,5%). И в то же время только около 8% респондентов позитивно оценили потенциал КПРФ и немногим более 3% – реальные возможности ЛДПР и «Справедливой России» по решению важнейших внутривнутриполитических и внешнеполитических задач. Что касается оценок реальных возможностей остальных политических партий, то они оказались крайне низкими. Кроме того, примерно каждый пятый респондент отметил, что между действующими в России политическими партиями нет существенной разницы, а приблизительно каждый седьмой опрошенный не смог оценить возможности конкретных политических партий в различных сферах деятельности.

Таблица 2

Оценка возможностей различных политических партий, %

Партия	Какая из партий смогла бы лучше других справиться с задачей		
	Подъёма экономики	Обеспечения прав человека и демократических свобод	Отстаивания международных интересов России
Единая Россия	48,2	43,3	52,5
КПРФ	8,7	8,0	7,0
ЛДПР	2,3	3,6	3,3
Патриоты России	0,1	0,4	0,2
Правое дело	1,0	0,4	0,5
Справедливая Россия	3,3	4,1	2,8
Яблоко	1,9	1,8	1,6
Между ними нет разницы	19,5	21,9	17,8
Затруднились ответить	15,0	16,5	14,3

Кроме политических партий, в России создано большое число разного рода добровольных организаций и ассоциаций (некоммерческих, неправительственных), формально независи-

мых от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти, которые служат основой гражданского общества и призваны придавать устойчивость, основательность демократическому порядку. Для них в той или иной степени характерны такие признаки, как автономность деятельности, гражданственность, социальность, добровольность участия и связей. Главной задачей этих организаций является расширение границ свободы и наделение населения властью, вовлечение граждан в процесс социальных изменений. Диапазон их деятельности охватывает чрезвычайно широкий спектр проблем: от развития творческих способностей у детей, экологических вопросов до общественного контроля над правоохранительными органами, защиты прав инвалидов, этнических меньшинств и других категорий граждан. В отношении этих структур гражданского общества доверие выступает основой самоорганизации, совместной деятельности людей, обеспечивает определённый уровень интеграции сообщества, коммуникации индивидов. Граждане, добровольно объединяясь в разного рода организации и ассоциации, вступают во взаимоотношения, реализуя посредством этого свои интересы и пытаясь обеспечивать гармоничное развитие общества без участия государства.

Несмотря на значительные количественные показатели, самодеятельные организации ещё не образуют плотную общественную среду, а результаты их функционирования остаются очень скромными. Как показывает опыт, значительная часть гражданских союзов и общественных объединений независима лишь формально и продолжает тяготеть по ряду причин (материальных, организационных) к властным структурам [Шиманская 2010: 137]. Их деятельность разобщена и мало способствует защите и реализации законных прав и интересов граждан. Во многом по этой причине доверие к этим структурам и степень участия граждан в их деятельности пока незначительны. В обществе пока не сложилось более или менее чёткого понимания того, что сильные и ответственные профсоюзы, принципиальные правозащитные и другие общественные организации, отстаивающие интересы наёмных работников, ассоциации, открывающие новые горизонты доверия, толерантности и взаимопомощи, являются важнейшим условием преодоления бедности и нищеты, снижения аномально глубокой социально-экономической дифференциации, справедливого решения разного рода спорных проблем.

Особое место среди этих институтов гражданского общества занимают профсоюзы, формально являющиеся основными защитниками интересов работающего населения во взаимоотношениях с работодателями, деятельность которых способствует реализации прав трудящегося населения, улучшению условий труда и обеспечению достойной заработной платы

Несмотря на значительные количественные показатели, самодеятельные организации ещё не образуют плотную общественную среду, а результаты их функционирования остаются очень скромными.

наёмным работникам. Однако в настоящее время российские профсоюзы, по оценкам очень многих экспертов, так и «не стали полноценными институтами представительства интересов и защиты прав наёмных работников, реализующими отношения равноценного партнёрства с работодателями в сфере регулирования трудовых отношений» [Мирясова 2013: 327]. Они крайне слабы, зависимы от федеральных и региональных властей, демонстрируют свою несостоятельность и не связаны тесно с другими организациями гражданского общества. Поэтому не случайно они относятся к институтам, которые характеризуются самым низким уровнем доверия у россиян.

Политико-правовой анализ различных институтов и структур гражданского общества выявляет неоправданно медленное развитие и даже некоторое искажение процесса становления местного самоуправления, обеспечивающего автономию граждан по отношению к государству, выражающего и защищающего права граждан на местном уровне. Образовавшийся разрыв между потенциальной и реальной ролью местного самоуправления, объёмом ответственности и ресурсами муниципалитетов негативно сказывается на уровне доверия к местной власти. Несмотря на то, что местное самоуправление – это власть, наиболее приближенная к гражданам, интерес к муниципальным выборам намного слабее, чем к выборам федерального и регионального масштабов. В основе такого отношения к муниципальной власти лежит понимание того, что у этой власти нет реальной возможности решать проблемы населения в силу отсутствия достаточных полномочий, финансовых и других ресурсов. К наиболее существенным проблемам, затрудняющим работу местного самоуправления, россияне относят коррумпированность и семейственность, низкий уровень квалификации представителей органов местного самоуправления. Муниципалитеты остаются практически полностью зависимыми от руководства своих регионов и центральной власти. По этим и некоторым другим причинам большинство россиян не могут понять, в чём заключается принципиальное отличие органов местного самоуправления от органов государственного управления.

Крайне слабо представлены сегодня в российском обществе и различные гражданские инициативы, основанные на тесных личных контактах, полной добровольности, свободе участия, нацеленные на решение локальных задач (гражданские комитеты и союзы, инициативные и рабочие группы и т. п.). Во время опросов в рамках RLMS-HSE всего лишь около 2–3% опрошенных россиян постоянно указывали, что в последние три года работали на добровольных началах в сотрудничестве с другими людьми в своём или близлежащем населённом пункте, пытаясь решить какие-либо важные проблемы, и ещё меньше респондентов принимали какое-либо

Образовавшийся разрыв между потенциальной и реальной ролью местного самоуправления, объёмом ответственности и ресурсами муниципалитетов негативно сказывается на уровне доверия к местной власти.

участие в создании новых групп или организаций для решения общественных проблем местного характера. Эти данные лишней раз демонстрируют отсутствие у нынешних российских граждан желания и, особенно, умения самоорганизовываться для взаимопомощи или защиты своих законных интересов от ущемляющих их решений и действий властей, выступающего важнейшей предпосылкой формирования полноценного гражданского общества.

В целом только формирующееся в России полноценное гражданское общество, не обладающее высокой сплочённостью и поддержкой больших групп и слоёв населения, не способно эффективно выполнять свои функции, успешно противостоять укрепившей свои позиции бюрократии. В последние несколько лет центральная власть, следуя традициям, прилагает значительные усилия, направленные на создание «структурированного гражданского общества». Однако если власть намерена и дальше двигаться по пути демократического развития, она должна строить свои отношения с обществом на равной, симметричной, взаимодополняющей основе, не заглушать или подчинять общественные инициативы, а содействовать их развитию. В связи с этим огромное значение для продолжения демократических реформ и создания подлинного гражданского общества приобретает оказание помощи населению в осознании демократических ценностей, освоении демократических правил и процедур, принципов построения правового государства, новых правил политической жизни, основ правовой защиты своих прав и свобод.

Библиографический список

Белянин А. В., Зинченко В. П. 2010. Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия». 164 с.

Ворожейкина Т. Е. 2002. Государство и общество в России: исчерпание государственно-центричной матрицы развития // Куда идёт Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН. С. 34–42.

Доверие институтам власти. Сентябрь, 2014 // Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti> [Дата посещения: 30.01.2015].

Мирясова О. А., Павлова Т. В., Патрушев С. В., Цысина Г. А. 2013. Гражданское и политическое в профсоюзных практиках // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН. С. 327–353.

Москвин Л. Б. 2011. Доверие как важнейшая предпосылка согласия в обществе // *Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты)* / Отв. ред. О. М. Михайлёнок. М.: Институт социологии РАН. С. 67–78.

Натхов Т. В. 2011. Образование и доверие в России. Эмпирический анализ // *Экономический журнал ВШЭ*. Том 15. № 3. С. 353–373.

Петухов В. В. 2012. Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // *Россия реформирующаяся*. Вып. 11: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. С. 264–288.

Разумовский О. С. 1990. Закономерности оптимизации в науке и практике. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 176 с.

Шиманская Э. С. 2010. Особенности развития институтов гражданского общества // *Россия в поиске эффективной политики модернизации* / Отв. ред. Михайлёнок О. М. М.: Институт социологии РАН. С. 131–143.

Шлезингер А. М. 1992. Циклы американской истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, Прогресс-Академия. 688 с.

Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1963. 562 p.

Dalton R. 1994. *Communists and Democrats: Attitudes Toward Democracy in the Two Germanies* // *British Journal of Political Science*. № 24. 469–493 p.

Political Trust in Russia: Peculiarities and Problem of Optimality

Kozyreva Polina Mikhailovna

Doctor of sociology, first deputy director of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science; director of the Center for Longitudinal Studies of the NRU Higher School of Economics, Moscow, Russia. Email: pkozyreva@isras.ru

Smirnov Alexander Ilyich

Doctor of sociology, senior researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: smir_al@bk.ru

Abstract. The article discusses the features of political trust in post-Soviet Russia, one of the key factors in the political process, which plays an important role in ensuring political stability and sustainable development of society. Analysis has shown that political trust is directly related to the implementation of the basic ideas and principles of democracy, essential for expansion and deepening of democratic processes, and for creation of a full-fledged civil society in modern Russia. The data reveals the existence of a direct link between the degree and prevalence of political trust and the results of market and democratic reforms of the 1990s and 2000s. At the same time, analysis reveals a huge gap in the level of trust in certain political leaders and the main government institutions, which persists despite the significant increase in the level of confidence in individual political entities noted in recent years. Such imbalance and incoherence is one of the reasons for the current contradictions of mass social and political consciousness. In view of these important circumstances, an attempt is

made to raise and discuss the issue of optimum limits of confidence in political leaders, institutions of public authorities and political parties. The authors consider the impact of extreme levels of trust and distrust in politics. They trace the dependence of institutional trust from interpersonal trust in the political sphere. Considerable attention is paid to the analysis of the main reasons for people's distrust in political and social institutions, and socio-political organizations, results of which can highlight ways of neutralizing or overcoming problems revealed.

Keywords: government, civil society, democracy, optimality, political capital, political trust.

References

Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. Princeton, Princeton University Press, 1963. 562 p.

Belianin A. V., Zinchenko V. P. Doverie v ekonomike i obschestvennoy zhizni [Trust in economic and social life]. Moscow, Fond "Liberal'naja missija", 2010. 164 p.

Dalton R. Communists and Democrats: Attitudes Toward Democracy in the Two Germanies // British Journal of Political Science, 1994, No 24, pp. 469–493 p.

Doverie institutam vlasti [Trust to the institutes of power]. Sept. 2014. – Levada-center official website. URL: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti> [date of visit 30.01.2015].

Miriasova O. A., Pavlova T. V., Patrushev S. V., Cysina G. A. Grazhdanskoe i politicheskoe v profsojuznykh praktikah [Civic and political in trade unions' activity]. – Grazhdanskoe i politicheskoe v rossijskikh obschestvennykh praktikah. Moscow, ROSSPEN, 2013, pp. 327–353.

Moskvin L. B. Doverie kak vazhneyshaja predposylka soglasija v obschestve. – Soglasie v obschestve kak uslovie razvitija sovremennoy Rossii (politicheskie i social'nye aspekty). Moscow, IS RAS, 2011, pp. 67–78.

Nathov T. V. Obrazovanie i doverie v Rossii. Empirichesky analiz. – Ekonomichesky zhurnal VSHE, 2011, Vol. 15, No 3, pp. 353–373.

Petuhov V. V. Evoliucija predstavleniy rossijan o demokratii: ot mechty do zaprosa na rabotajuschie instituty [Education and trust in Russia: empirical analysis]. – Rossija reformirujushajasja. Ezhegodnik. Vyp. 11. Moscow, Novy khronograf, 2012, pp. 264–288.

Razumovsky O. S. Zakonomernosti optimizacii v nauke i praktike [Pattern optimization in science and practice]. Novosibirsk, Nauka (Siberian div.), 1990. 176 p.

Shimanskaja E. S. Osobennosti razvitija institutov grazhdanskogo obschestva [Features of the institutes of civil society development]. – Rossija v poiske effektivnoy politiki modernizacii. Moscow, IS RAS, 2010, pp. 131–143.

Shlezinger A. M. Cikly amerikanskoj istorii [Cycles of American history]. Moscow, Progress, Progress-Akademija, 1992. 688 p.

Vorozheykina T. E. Gosudarstvo i obschestvo v Rossii: ischerpanie gosudarstvenno-centrichnoy matricy razvitija [State and society in Russia: depletion state dominant paradigm of development]. – Kuda idiot Rossija? Formal'nye instituty i real'nye praktiki. Moscow, MHSSES, 2002, pp. 4–42.